

Алексей Зубов

Шутки дебилыные

16+

Алексей Зубов

Шутки дебильные

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зубов А. Н.

Шутки дебилные / А. Н. Зубов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Коротенькие истории, полезные для ума и приятные для стимуляции
пищеварения. Улучшают зрение.

Столичный шик.

Вчера, в два часа пополудни, я очутился на городском вокзале. Привела меня туда не жажда пуститься в безумные странствия по белу свету, а нужда иного рода, всем знакомая и неудержимая никакими строгими убеждениями.

Перед этим, забежав в пяток кафе, и отметив возле вождельных дверей со странными латинским буквами, заменивших теперь всем понятное и ставшим родным французское слово «сортир», молчаливо-недвижимые очереди напряженных конкурентов, я вспомнил вдруг человеколюбивое решение железнодорожных властей сохранить на вокзалах бесплатные туалеты. На всякий случай.

Вокзал не «ГУМ», и иной человек и без мелочи в кармане зайдет.

Сделав дело, я, чувствуя свободу воли, прошелся по перрону.

На вокзалах всегда хорошо. Энергично как-то.

Возле пахнувшего многосуточным потом поезда на столицу, я увидел две знакомые фигуры: Геся, да Мотя Пацан. Я подошел и спросил, что они тут забыли. Оказалось, они едут в центр цивилизации.

Это было удивительно. Чудно.

Мы отошли к гранитному парапету, они стали мне растолковывать: что к чему.

Какой-то дед, торчащий рядом и вычесывающий из бороды ночной репей, приметив наш джентльменский набор, хотел быть умным и даже сказал, вроде как, нам: «Москва – столица прошлого, Петербург – будущего», но Геся, дав ему окуроч, велел погулять где-нибудь.

Тем временем Мотя Пацан популярно объяснял мне, что в столице правила те же, что дома (у него две ходки, так что, можно положить), и те же люди, и те же речи, только колючки по периметру нет, а так, он, Мотя Пацан, видит там себе применение хоть внизу, хоть вверху.

А Геся сообщил, что у них уже есть и тема.

И они рассказали мне, а я расскажу вам, только можно, я буду писателя изображать?

Какого-нибудь француза? И название у него заимствую:

«Бижутерия».

Стояли прелестные весенние дни. По утрам, когда встающее после сна солнце мощными кистями чертило разноцветные тени по вымытым росами улицам, воздух, искрясь, переливался, как молодое вино из корчаг, от влажных крыш к тротуарам и дарил надежду и веру.

Хотелось жить.

Особенно хотелось жить здесь, в столице.

Господин Латенин, мужчина лет пятидесяти, скромный служащий управляющей компании, сделал глоток отвратительно-дорогого кофе и задумчиво устремил усталый взгляд человека, знающего цену деньгам, за окно своего двуспального гостиничного номера.

Он прибыл в столицу с двумя своими дочерьми, очаровательными девушками, которым природа не поскупилась дать все, что так нравится в барышнях молодым людям, намеревающимся дружить всерьез.

Обе дочери были в том милом возрасте, когда влияние отца заканчивается, и он должен с достоинством и гордостью передать свое творение в руки чужого пользователя.

В прежние годы это именовалось «замужество». «Брак».

Господин Латенин понимал, что должен, как отец, сделать что-то последнее, дать своим дочерям что-то такое, что останется в их памяти на всю жизнь, и он решил свозить их в столицу и всей семьей посетить Большой театр. Это было стильно. Даже, шикарно.

Накануне, приобретая у спекулянта билеты и прогуливаясь по Тверской, и он и его дочери чувствовали то приятное возбуждение, которое охватывает любого погружающегося в жизнь «бомонда».

Его девочки выглядели великолепно: юбки были совершенно такие, какие были у девушек из столичных бутиков, и туфли были те же, и рубашки – все было «в ажуре».

Рынок гарантировал приобретение эксклюзивных вещей даже живущим далеко от центра цивилизации.

Его беспокоило одно. Два колье, купленные им в Индии на улице Бомбея, и теперь украшающие его дочерей, казались чересчур простенькими и бедными. Какими-то «фермерскими». И кричащими об этом на всю столицу.

Дочери, тоже обратив внимание на оскорбительные, такие насмешливо-укоризненные взгляды людей, крутящихся возле Большого, закатили ему вечером скандал, объявив, что не пойдут в театр в этом старье.

Без украшений же в театр на «Спартака» идти было просто верхом невоспитанности.

И Латенин размышлял.

Он заглянул в спальню, где находились два его ангелочка – они безмятежно спали и были просто прелестны. Они были так целомудренны, так не испорчены жизнью.

На тумбочке меж кроватей, среди девичьих безделушек лежали те самые два колье ценою в двадцать долларов каждое.

«С паршивой овцы хоть шерсти клок», – решил господин Латенин.

Он, не будя дочерей, взял сверкающие фальшивыми гранями побрякушки, положил их в карман и отправился искать ювелирный магазин, надеясь выручить за них хотя бы стоимость проезда в метро.

Утро было великолепным.

Жители центра цивилизации уже добрались до своих рабочих мест и были готовы продемонстрировать мастер-класс по зарабатыванию денег.

Многие делали это прямо в автомобилях.

Город гудел, как взлетающий лайнер.

Из-под брусчатки пахло распухшей, напившейся талой воды землей, и казалось, еще немного, и сквозь толщу Сталинского ампира прорастет свежая зелень.

Голова кружилась.

Маленький бутик со скромной рекламой показался господину Латенину подходящим для его мероприятия.

Он зашел внутрь.

Там было тихо и строго.

Стеллажи и витрины с дамскими украшениями внушали уважение.

Ценники заставляли подумать на досуге о смысле жизни на зарплату ниже средней по Росстату. Все пахло спокойным шиком столичной жизни.

Из подсобки, на звук колокольчика, вышел юный, немного сонный паренек-менеджер. Ювелир. Он вопросительно уставился на господина Латенина.

Тот помялся, сомневаясь, но все-таки произнес:

– Я бы хотел сдать на комиссию два колье. Ручная работа. Индия.

И он выложил из кармана на стекло прилавка свои, кажущиеся такими смешными и неприличными здесь, драгоценности.

Ювелир молча вставил в глаз лупу и с минуту разглядывал камни.

Господин Латенин отлично понимал, что горный хрусталь вряд ли заинтересует ювелира, но ждал. Вдруг, хоть что-то?

– Видите ли, – сказал ювелир, отрываясь от камней, – продажи сейчас упали, и я боюсь, ничем вам помочь не смогу.

– Понятно, – ответил грустно господин Латенин, – однако, сколько я могу реально выручить за эти два колье?

– Для чего вы их продаете? – поинтересовался ювелир.

– Мне необходимо сделать дочерям подарок. Я хочу купить им нечто модное. Со столичным шармом.

Лицо юноши-ювелира продолжало оставаться сонным и даже тупым.

– Видите ли, – наконец сказал он, – эти ваши изделия так скоро не продашь. Нынче покупатель с деньгами заходит редко.

– Во сколько же вы их оцениваете? – машинально спросил господин Латенин.

– Тысяч в сто, сто десять каждое. Я, конечно, могу их принять, но говорю вам, скоро их не продать.

«Он идиот?» – ошарашенно подумал господин Латенин, вспоминая нищего индуса с лавочкой, наполненной блестящей мишурой для туристов, – «Что за ювелир, не отличающий подделку? А, он молод, и скорее всего, учился уже в двухтысячных, вот оно что».

Он положил колье в карман и пошел было к выходу, но уходить не хотелось.

Хотелось еще побыть здесь, ощущая себя, хотя бы в глазах этого идиота-ювелира богачом.

– Я бы мог выкупить у вас ваши колье, – сказал сонно юный идиот, – но у меня сейчас вся наличность в обороте. Но ведь вы хотите купить вашим дочерям украшения? Я могу предложить вам. Вот, взгляните. Отличные сережки с изумрудами и сапфировый кулон.

Так. Кулон восемьдесят пять, и серьги, сейчас поглядим... сто двадцать пять. Итого: двести десять тысяч. Если вы согласны уступить мне ваши колье за двести, вам останется только доплатить разницу – десять тысяч, и украшения ваши.

В голове у господина Латенина прыгали бесы. «Как? За что мне такое подвалило? Вдруг, и я богат!»

Ювелир с лицом идиота достал коробочки с сапфировым кулоном и изумрудными серьгами – они сверкали новизной и выглядели по столичному шикарно.

– Вы согласны?

Господин Латенин боялся дышать.

Он вручил ювелиру свой паспорт, и тот не спеша составил договор о встречных купле-продаже.

– Подпишите здесь и здесь, – сказал он, – вот тут: «Сумму в двести тысяч получил полностью...», и дальше: «претензий к магазину не имею...»

– Теперь, – продолжал он, – подпишите: «кулон и серьги получены, претензий не имею...»

Ну, вот, теперь вам остается заплатить мне через кассу – наличность! Одна морока с ней! – десять тысяч, и украшения ваши.

Слабо верящий в такую внезапную удачу, господин Латенин заплатил в кассу десять тысяч, получил от идиота-ювелира коробочки с драгоценностями и вышел на улицу.

Столица трудилась всюю, и люди, спешащие мимо него по улицам, были весьма серьезными на первый взгляд.

Он зашел в кафе, и, стараясь привыкать к этому своему новому ощущению – жизни обеспеченного человека, небрежно заказал себе бутылку неплохого вина и пирожное.

Он пил, улыбался и представлял, как сегодня в Большом, когда Красс исполняет антраша, публика с завистью будет поглядывать на его девочек, украшенных сапфиром и изумрудами.

Бокал с красным вином играл рубиновыми гранями.

Вне всяких сомнений, поездка в столицу удалась!

...

Филологический казус.

Начнем, благословясь. Семья Гриенталей – сам Александр Борисович и супруга его, Тамара Александровна – это очень возвышенные, высококультурные люди. Сок русской интеллигенции. Александр Борисович по образованию филолог, он работает в строгом научном издательстве, жена же его, как ни странно, тоже филолог, хотя ее девичья фамилия Воробьева.

Тамара Александровна после работы, забравшись с ногами в сонное кресло, любит читать Тютчева или Цветаеву, и плачет. Александр же Борисович предпочитает Пастернака и Бродского, но тоже, читая, плачет (читает он всегда на кухне, прихлебывая чай с мелиссой). Кстати, я плачу, когда Пушкинские заповеди блаженств читаю... Пойду, высморкаюсь...

Тамара Александровна пробует (хоть и робко) и сама сочинять, мне безумно нравилось у нее:

Одуванчики, одуванчики -

Вы Дюймовочки милой диванчики...

У меня при слове диванчике начинала шалить фантазия.

Александр Борисович не только много пишет и публикует толковые статьи, но даже позволяет себе иногда и замахиваться на такой тяжелый жанр, как юмор. Недавно он опубликовал очень двусмысленный рассказец. Там история была о том, как герой стриг ногти на балконе, и один отстриженный кусочек ногтя улетел вниз, да прямо на балкон к соседу, и попал в чашку соседского кофе. Сосед же говорил с кем-то по телефону (телефон выдавал в нем коммерсанта и нехорошего спекулянта), и, ничего не подозревая, кофе выпил. Я долго не мог понять, в чем соль (до меня плохо доходит любая шутка), и только ночью я дотумкал, что отстриженный ноготь в кофе – это наше отношение к «их» кофе. Гордое и презрительное.

«Смело», – подумалось мне тогда.

Да, так вот «их» – местоимение – о нем-то и пойдет речь.

В семье Гриенталей жена была консерватор, а муж больше либерал. Естественно, они спорили, естественно, ссорились. Потом помирились. Но одна тема была вечным камнем преткновения в их отношениях: допустимость употребления просторечного местоимения «ихний». Тамару Александровну болезненно дергало и коробило при звуках таких, Александр же Борисович мягко, с улыбкой указывал на речевую практику народа, который сплошь и рядом употребляет «ихний», «ихнего».

Спор этот мог продолжаться вечно (хотя бы до смерти одного из супругов), если бы не одно неожиданное обстоятельство, разом поменявшее всё мировоззрение Гриенталей. Обстоятельство, сделавшее этот спор лишним и даже неприличным.

Как-то, возвращаясь домой после прослушанной лекции (лекция была очень увлекательная – о падежных окончаниях страдательных причастий), Гриентали столкнулись на лестничной площадке с энергичными и громкими людьми, заносщими мебель в соседнюю квартиру. Они корректно поздоровались и хотели уже пройти к себе, но их остановили. Жизнерадостная дама – по виду одних с ними лет – сказала, светясь улыбкой:

– А мы – ваши новые соседи. Заходите вечером, познакомимся, чаю попьем.

– Спасибо, – ответила Тамара Александровна, – непременно.

Дома Гриентали долго думали – как быть? Они никогда не ходили в гости к посторонним, но фраза «непременно» уже обязывала. Тамара Александровна очень нервничала и просто не

представляла, что надеть, а Александр Борисович держался молодцом, но повторял: «Томусик, мы встанем и уйдем в любую минуту».

Решено было одеться по-вечернему, но с уклоном в непринужденность.

Тамара Александровна надела длинную юбку с милой кофточкой, туфли-лодочки, Александр Борисович был в «ковбойке», но строгих брюках. На ногах были мокасины.

Хозяев соседней квартиры звали Тарас Григорьевич и Галина Викторовна. Как-то они очень просто познакомились с Гриенталями, как-то само собою завязались приятные разговоры, да и чай был отменный. Духовитый. А пирожки! (От иных пирожков просто голову сносит, особенно, когда сидишь на овсянке неделями, я бы, кстати, их и сам пёк, но никак не могу постичь тайны защипывания теста).

Тамара Александровна и Александр Борисович одобрительно, с удовольствием переглядывались – им нравились эти люди, их новые соседи, как вдруг Галина Викторовна сказала:

– Кис-кис, где ты, увалень? У ихнего кот – ужасный лентяй и прятальщик.

Тамару Александровну передернуло. Мало того, что употребили ужасное «ихний», так еще и неверно склонили. Ей хотелось быть и тактичной, и указать на ошибку.

– Их кот, наверное, знакомится с квартирой, – сказала она, через силу улыбаясь.

– Ихний его еще вчера завез. Да, это у мужа фамилия такая: «Ихний».

– Ихний Тарас Григорьевич, – улыбаясь подтвердил сосед, – прапрадед мой из запорожских казаков.

Придя домой, Гриентали молча совершили вечерние туалетные процедуры и, не разговаривая, легли в постель.

– У Ихнего музыка, – сказал, не подумав, Александр Борисович.

Тамара Александровна включила ночник.

– Так. Хватит с меня. Или ты или я – кто-то идет спать в гостиную.

– Томусик! Лапочка.

– Всё. Забыл об этом. Потерпишь. Каков наглец! Где ты нашел этих Ихних? Объявления давал?

– Зачем ты? Ты же сама говорила, что тебе нравится аромат Ихнего чай, жена Ихнего интеллигентная дама.

– Я тебя убью сейчас.

Тамара Александровна лежала, и всё сознание ее клокотало. Всю жизнь она считала, что только грамотная речь очистит и возвысит душу народа, что говоря правильно, мы и жить будем правильно (она и мне выговаривала: «Как ты выражаешься, ужас!» – я только кряхтел).

Она представила, как говорит сотрудницам: «Ихние – люди милые и воспитанные», и делает

паузу не там. На глазах выступили слезы.

Мы встретились с ней несколько дней назад. Она была холодна.

– Я должна предупредить тебя, хоть мне это и тяжело, – сказала она, отводя глаза в сторону, -

если ты намерен встречаться с Ихними, восторгаться Ихними... одним словом, или я, простая русская интеллигентная женщина, или Ихние.

– Тома, – сказал я искренне, – зачем мне Ихние, я ведь как Ихние – ни говорить, ни думать.

Вечером мы втроем читали Блока и плакали. От соседей доносилась музыка.

– Что за воспитание у Ихнего – мужа.

– Не лучше и у Ихней – жены.

Мы не осуждали их нравы, Боже упаси, но нам безумно хотелось отгородиться от Ихнего.

...

Цезарь и Клеопатра.

Ледневы собирались в гости.

Таисия Сергеевна – жена, очень милая дама лет так сорока «с хвостиком» – важно ходила по комнатам без тапочек, в только что вынутых из целлулоидной упаковки бежевых колготках, шикарном, декольтированном вечернем платье и черной, дорогой и легкой, как пух, дохе, накинутой поверх – следовало понять, идет ли это платье к дохе. То, что платье под дохой видно не будет, а в гостях, разумеется, доха будет снята – нужды не было.

Таисия Сергеевна периодически подходила к высокому, в пол зеркала и задумчиво подкрашивала губы. Не красила, а только пробовала. Дело в том, что с помадой следовало еще определиться. Ее, помады, было много, но вся была «не совсем та».

Петр Николаевич – муж, высокий и очень приятный – был уже в брюках, джемпере и даже в уличных сапогах, которые были, как обычно, изумительно, до восторга начищены. На голове его красовалась стильная аристократическая кепка, которую Петр Николаевич начинал носить с первых заморозков, и до весны. Шапка-ушанка у него была, и очень неплохая, но она всю зиму хранилась на антресолях в чемодане – Петр Николаевич на морозной улице бывал не долго: только от подъезда к машине и от машины к подъезду.

Он сидел на маленьком топчанчике в светлой и уютной прихожей, дожидаясь жену, и разговаривал по телефону с коллегой – хоть время, как будто, было не рабочее, но дела оставались делами.

Владимир Николаевич был хозяином и, заодно, и директором крупной логистической фирмы.

Ледневы собирались в гости «просто так» – без повода. Просто провести часок-другой с хорошими людьми – Мухиными, которых знали тысячу лет. Просто поболтать. Просто, в конце концов, выпить по рюмке коньяка.

Вся квартира Ледневых представляла собой живописную картину беспорядка, поразившую бы любителей фламандской школы – по всем стульям и креслам были разбросаны перемеренные только что юбки и кофточки разных расцветок и кроев, диван был завален платьями и даже дачными сарафанами с кучей плечиков, лежащих поверх всего, как хворост. Для чего-то на столе еще лежала бабушкина шаль – не модная, к сожалению, но очень «богатая».

Атмосфера квартиры была праздничной, напряженной и бодрящей.

– Это ужасно, – говорила Таисия Сергеевна, разглядывая себя в зеркало, – это надо как-то убрать. Как-то вот так. Петенька! Договорись с Самойловым, пусть он уберет вот это!

И Таисия Сергеевна обхватила свою ногу выше колена и стянула, как ей казалось, «лишнее» назад. Повертев ногой влево-вправо, оценив желаемое, она распрямилась и подумала мгновение, и снова обратилась к мужу:

– Я думаю, надо вот здесь еще убрать.

Теперь Таисия Сергеевна оттягивала ладонями назад, к ушам щеки, и при этом разглядывала себя, изящно склоняя головку туда-сюда, будто кивая зрителям со сцены, – она прикидывала, как она отлично будет выглядеть после того, как Самойлов уберет «лишнее» со щек.

– Тася, – отрываясь от разговора, заметил Петр Николаевич (он был на редкость сдержан и отменно воспитан!), – ничего не нужно убирать. Только Самойлова зря тревожить. Я, наоборот, считаю, что тебе бы пошло чуточку пополнеть.

Таисия Сергеевна встрепенулась и оторвалась от зеркала.

– Как пополнеть! Живот нарастет сразу! Ты не понимаешь. Пополнеть! Разве в попе?

И Таисия Сергеевна изогнулась так, как и тренер фитнес клуба не сумеет. Но, что хотела, увидела.

– Чуточку пополнеть. В бедрах. У «звезд» секси теперь часто чуточку полные бедра – они лучше смотрятся на экране. А можешь и не полнеть, у тебя и так ноги «звезды».

– Врешь, – расплываясь счастливой улыбкой, объявила Таисия Сергеевна, – про ноги – врешь! Ну-ка, смотри мне в глаза!

Она уселась прямо в дохе на колени мужу.

– Скажи честно: про ноги врал? В глаза смотри!

Петр Николаевич распрямился и убрал телефон на вытянутую руку.

– Может, мне разуться?

– Нет! Что ты! Времени нету! Вот посмотрим, как ты будешь себя вести у Мухиных...

Таисия Сергеевна встала и прошла в комнату к шифоньеру.

– Иваныча загружайте первым и немедленно в рейс, благословясь – «Альфа» платит всегда наличными, понимаешь? Такие клиенты на вес золота. А в «Бету» отправь Саныча. Только проверь, не пил ли он? По глазам проверь, как еще-то, если чеснок с салом трескает. Если зрачки узкие и подозрительно честные, без его шахтерской наглости, лучше замени. «Бета» подождет – они с нами за прошлое не полностью рассчитались, – учил уму-разуму своего зама Петр Николаевич.

От шифоньера раздался строгий, вопрошающий голос супруги:

– Лапусик! А где мои черные зимние сапоги? Ты их не выбросил случайно? Стоит мне отвернуться на минутку, ты норовишь все выбросить! Если я узнаю, что ты их выбросил, – продолжала Таисия Сергеевна с чуть приметной дрожью в голосе, стряхивая, наконец, доху прямо на пол – стало и вправду жарко, даже и без дохи, – я не знаю, что с тобой сделаю. Убью, наверное.

– Тася, они в шкафу, где же им еще быть? – отвлекся от инструктажа сотрудника Петр Николаевич. Говорил он спокойно, с легкой иронией, просто было приятно слушать. Кстати, у него был мягкий, певучий баритон, который нравился женщинам. Телефон он не выключил, а прикрыл ладонью.

– Нету! Я все обсмотрела! Кстати, а где старые сапожки на каблуках, те, у которых сломана молния?

– Те, совсем старые-престарые? Ты же сама велела их выкинуть.

Слово «выкинуть», видимо, было педалью газа.

– Как выкинуть! Я хотела показать их Ляле, чтобы она отметила фасон и запомнила! Выкинул! Она на днях, решила, наконец, куда-то съездить, и я думала: «А вдруг Ляля случайно увидит там похожие сапожки?»

Таисия Сергеевна без сил упала в кресло.

Сердце ее бешено стучало, в голове раздавался колокольный звон, мысли путались вместе со словами – это было ужасное состояние смертельно обиженной женщины. Женщины, чье мнение не ставят ни во что.

– Ты занят только собой, – наконец, выдала она заключение.

Ей захотелось высказать мужу всю правду о нем, все, что накапливалось бесконечными годами страданий нравственных и хранилось в глубинах души.

– Ты никого не замечаешь, тебе все равно, как я выгляжу, что я думаю. Тебе наплевать, нет, не только на мои сапожки – на меня наплевать! Если бы мне было куда уйти, я бы давно ушла! Ты выкидываешь мои вещи, пользуясь своей силой, делаешь мне больно и наслаждаешься! Ты вампир! Энергетический вампир! Выкинул – и хорошо тебе?

Воздух в квартире искрил и переливался электричеством. Пахло озоном.

– Кузьмичу передай, чтобы пожарнику как-нибудь незаметно планшет всунул. Пожарник, конечно, прав – ворота должны наружу отворяться, а не как у нас – вовнутрь. Какой м... их делал, не пойму. (Петр Николаевич изредка выражался, а я теперь за речью слежу – не модно как-то.)

Продолжая разговаривать по телефону о пожарниках, воротах и мастерах, их строивших, Петр Николаевич подошел, не разуваясь и не снимая с головы кепки, к шифоньеру, присел на корточки, и извлек из-под подолов шуб и платьев черные дамские сапожки. Поставил их перед Таисией Сергеевной и, так же говоря со своим абонентом, подмигнув жене, вернулся в прихожую.

– Санычу скажи, пусть заскочит в «Дельту», ему по пути. Всего одна коробка, а что делать? Мы – фирма порядочная.

В прихожую зашла Таисия Сергеевна. Она была в сапогах, колготках, но без платья, а в одном лифчике. Лифчик был ажурным.

– Не сердись, лапусик, – нежно обратилась она к мужу, – я такая невнимательная, это у меня с утра – не увидеть сапоги!

– Ты без платья? Может, мне уже разуться? – распрямился Петр Николаевич, относя руку с телефоном.

– Какое! Мы и так опаздываем! – Таисия Сергеевна прошла гвардейским шагом по комнате.

– Это платье, когда оно вместе с сапогами, смотрится, как у дуры какой или бабки. Я думаю, будет лучше надеть цветное и белые полусапожки.

Она стала красить губы перед зеркалом в прихожей, поглядывая на мужа.

– Какие вы мужчины нетерпеливые! Вам вынь, да положь. Посмотрим на твое поведение – иногда оно просто бесит, убить хочется!

И Таисия Сергеевна очаровательно улыбнулась.

На улице шел снег, и Таисия Сергеевна, воскликнув: «Ах, как здорово!», сразу же уселась в машину, а Петр Николаевич принялся щеточкой стряхивать снежную шубку с капота, стекол и крыши.

Ему опять позвонили, и он ответил, и пару минут разговаривал, кивая через стекло супруге, которая нервно жестикулировала, сидя в салоне.

Они сильно опаздывали.

...

Очень важная мелочь.

Блаженство потому и создано мудрым Создателем коротким и ускользящим, чтоб было к чему стремиться. Постоянно. Иначе бы – отупели.

Вика и Толик вот только что пережили сахарные минуты блаженства, и потихоньку, как после гриппа, очухивались, возвращались к будничным вечерним делам.

«Было хорошо, но что-то мне мешало, и немного отвлекало, о чем-то я во время «этого» думала, и о чем-то постороннем, лишнем», – спокойно думала Вика, раздвигая синие с серебряными цветами шторы. Она рассеяно оглянулась и увидела стул, с небрежно висящей на реечной спинке Толиковой рубашкой. «Вот же! Она и мешала! В этой рубашке весь он!»

– Я просила тебя тысячу раз – не раскидывай вещи по комнате. Для рубашки есть плечики и шкаф, – сказала она спокойным тоном, таким, какой бывает в разговорах о новых мешках для мусора, новых налогах и тому подобное. Говоря эту фразу, она думала уже о том, что, может быть, неплохо испечь «шарлотку», или пусть лучше Толик сходит и купит готовый рулет, или еще лучше, нет, не рулет, а мороженое.

«Этот оператор надо убрать, и цикл из середины «тела» перенести в конец», – тихо-мирно размышлял Толик, глядя на крутящееся колесико в центре экрана, – «почему ей рубашка мешает? Висит себе и висит».

– Ты не слышишь меня? – Вика задала вопрос с апломбом, но больше «учительским», а не искренним. «Он что же, «свое» получил и теперь можно меня не замечать? И плевать на то, что я прошу!»

Она вспомнила вдруг, как на «посиделках» у Шапкиных Толик обидно и при всех назвал ее глупой. Пусть не назвал, но дал всем понять, что он ее глупой считает. Да, он сказал, уже и неважно что, но сказал, будто сам умнее всех! И сказано было обидно и уничижительно!

Ей захотелось обидеться. Мужчина это почувствовал загривком.

– Хорошо, хорошо, вот, убрал.

«Было бы правильнее вставить маленький код на «асемблере» – будет быстрее», – Толик был программистом.

«Как он раздраженно захлопнул дверцу шкафа, как будто я придираюсь и требую чего-то необыкновенного. Как они врут, господа, как врут, что готовы на все, что звезды с неба достанут и на стол высыпят, а сами получают – и забыли!»

Вика обиженно достала из-под стопки полотенец из шкафчика маленькую шоколадку.

Обертка зашуршала.

– Викуся, дай кусочек.

«Откуда у девчонок всегда припрятаны конфеты? И, главное, где?»

Шоколад был горьким и пах.

«Ладно уж, пожалею тебя. Сам-то никогда не догадаешься сделать сюрприз и что-нибудь сохранить. Вот конфеты – их же на видном месте нельзя держать! Всю коробку готов за раз съесть, если не уберу».

– Только кусочек, – Вика убрала шоколадку.

– Я хотела испечь «шарлотку».

«Если он уткнется сейчас в «комп» и скажет: «пеки», значит, я его умнее».

– Пеки. А чего ты от смеха киснешь?

– Ничего. А потом я подумала, может, ты сходишь и купишь мороженое?

«Проверить или нет? Почему бы не проверить? Глупый ... и такой милый».

Вика обняла сзади Толика за плечи и коснулась тихонько губами его уха.

– Мы поедем мороженое, выключим свет...

«Вообще-то, только что было, не хочется, да и не получится. Цикл не забыть перенести. А вдруг, ей не хватило? Вдруг, я, как партнер, никудышный – слабенький, вяленький. А если получится – о! А «прогу» тогда ко вторнику сделаю».

Мороженое продавалось недалеко и прошло минут двадцать.

Они съели по кусочку, легли, и Вика посмотрела на стул. Стул стоял аккуратно задвинутый, без рубашки, которая висела в шкафу и больше не отвлекала.

И Вика блаженно закрыла глаза.

...

Зов короля.

Если вы спросите какого-нибудь вислогубого историка: сколько жен было у Английского короля Генриха Восьмого, он, нагло и бесстыже светясь глазенками, обученными врать по первому приказу (а врать для историка – первейшая задача! Сегодня князь Мстислав Удалой – чудо что за парень: и вояка, и неглупый весьма, а завтра этот же князь – гнида, своих же бил, единоверцев), историк этот начнет, загибая пальцы пересчитывать: Екатерина Арагонская, Анна Болейн, Джейн Сеймур... – шесть! Проклятые фальсификаторы истории человечества!

Вам повезло – вы встретили меня, я открою вам истину.

Дело было в мае 1509 года. Юный принц Генрих вместе со своим приятелем Чарльзом Брэндоном и совсем юным сэром Эдуардом графом Честерским – они были втроем – отправился на охоту. Молодых людей влекла конечно же королевская добыча – королевский олень, а олени в то время в большом количестве водились в лесах графства Глостершир, что на границе с Уэльсом. Погода была отличной: дубы и буки поэтично сверкали молодой листвой, поляны между деревьев были покрыты словно гобеленами цветущими колокольчиками и ирисами, дрозды, естественно, пели.

Молодые джентльмены, смеясь и рассказывая друг другу свежие придворные сплетни, ехали на благородных, кормленных овсом, конях, загонщики, в шитых золотом куртках, шли поодаль, но звуки их рогов были слышны, слышен был и лай собак. Вдруг погода стала кукушаться. Небо затянула британская серая мгла, стал накрапывать противный, тихий дождик, звуки охоты стали приглушеннее, а вскоре и вовсе стихли, и молодые охотники остались втроем – без слуг, без пищи, без укрытия. Тетивы на арбалетах отсырели – об охоте уже нечего было и думать, думать надо было о месте ночлега, и тут до их ушей донесся слабый звук колокола.

Звонили к вечерней службе в аббатстве Тьюксбери. Охотники поспешили туда. Их приняли со всеми полагающимися почестями: накормили вареными бобами, напоили слабеньким монастырским вином и уложили спать. Генриху досталась большая, холодная келья с широкой лежанкой (на кой ляд там была такая – ума не приложу), без камина и с узеньким окном, куда свет и днем не проникал.

Генрих ворочался на лежанке, сна не было – бобы мало насытили молодого принца, да и вино было кислятиной, вдобавок, от каменного пола дуло. Принц позвонил в колокольчик, открылась дверь, и в келью вошел молоденький послушник.

– Мальчик, принеси еще одеяло, – приказал Генрих.

Послушник ушел и вернулся с одеялом.

– Как холодно, – пожаловался принц, – где сэр Чарльз?

– Они почивают, мой принц.

– Тогда ляг со мной ты, согреешь мне постель.

Послушник молча улегся рядом с принцем. Через некоторое время Генриху стало теплее, и он начал задремывать. В полусне он повернулся на бок и обнял послушника. И тут сон сдуло с Генриха! – его рука явственно ощутила на груди послушника два приятных упругих холма. Замирая от предвкушения, Генрих продолжил свои исследования и на известном месте обнаружил удобную скважину для своего ключика. Будучи уже в юности человеком решительным, Генрих, даже не читая «Патер ностра», в односекундье изготовился, и проскакал, считая лошадиной меркой, добрых мили две – три.

Угомонившись, принц встал с постели, подошел к двери и крикнул, чтоб ему сей же час привели капеллана. Явился старичок священник.

– Святой отец, немедля обвенчай меня с этим монашком! – заявил принц обалдевшему капеллану. Меч принца и его арбалет лежали на лавке, а нравы знати той поры были круты.

Священник, крестясь, раскрыл библию, зажег свечи.

Генрих с любопытством разглядывал свою избранную – это была очаровательная юная особа с белокурыми волосами, девушка лет пятнадцати.

– Кто вы, леди? – спросил влюбленный принц.

– Мэри Стаффорд, дочь лорда Стаффорда герцога Бэкингемского, – прошептала проказница.

Они были повенчаны прямо в этой же келье, возле этого же ложа...

Если бы не желчный характер царствующего короля – Генриха Седьмого, возможно, этот брак осчастливил бы Англию – ведь леди Мэри Стаффорд была прямым потомком Эдуарда Третьего Плантагенета, и права на престол сына ее и Генриха ни у кого бы сомнений не вызывали, но в дело вмешалась большая политика (будь она неладна). Папа король и думать запретил о леди Мэри, через месяц ее отправили на материк в Гиень, а принца Генриха женили на Екатерине Арагонской. Брак же в аббатстве Тьюксбери признали шуткой, каких немало потом откалывал Генрих, став королем.

Фокус в другом. У леди Мэри родился мальчик – первый и законный сын Генриха Тюдора.

Мальчик этот рос сперва при дворе французского короля, а потом, в период религиозных войн, перебрался в Италию, где его следы теряются...

Я долго думал – где же обитает теперь законный король Англии, где-то ведь он живет?

И вот вчера, покупая курицу в гастрономе, я увидел свое отражение в зеркале витрины, и меня будто током стукнуло! Он – это я! Во-первых, фамильное сходство – я очень похож на прадеда Генриха, во-вторых, необъяснимое обычной человеческой логикой, с детства присущее мне желание не работать, а царствовать, наконец, третье – у меня постоянный, чисто королевский зуд где-нибудь повоевать. Неважно где, неважно с кем.

Я с гневом швырнул курицу обратно продавщице:

– Как подаешь, женщина!

Окружающие притихли и начали боязливо расступаться. Ага! Они тоже почувствовали присутствие короля! До курицы ли было мне теперь. Я вернулся домой – я понял, наконец, что я должен делать.

Мне следует вернуть себе престол моих отцов.

Этих несчастных Виндзоров я не буду казнить, просто укажу им на дверь. Парламент распушу – мой добрый английский народ от него слишком устал. Моих славных крестьян я освобожу от всех налогов – моей казне хватит поступлений, что приносит купечество. Мои рыцари будут веселиться вместе со мною за круглым столом, в окружении прекрасных дам, отлучаясь иногда для совершения подвига – зла еще очень много на Земле.

Царствование мое будет долгим и счастливым. Я утешу сирот, протяну руку одиноким и поддержу влюбленных. Мой корабль под пурпурными парусами отходит к берегам Англии в Пасху.

Вы скажете: «Безумец, тебя сожжет огнем береговая артиллерия!»

Пусть так. Рыцарю лучше сгореть, чем киснуть в каморке и ждать неизвестно чего.

Рыцари, кто верен мне – за мной!

Ваш король Генрих Девятый.

...

Он ее муж, она его жена.

Миша и Маша были в браке уже целый год. Миша был женат на Маше и был ее любимым мужем, а Маша была замужем за Мишей и была, соответственно, его любимой женой. Понятно?

Миша очень любил Машу. Маша была красивой. (Здесь автор двадцать минут страдал, не умея описать девичью красоту, ибо он не филолог, а филексист). Еще она была не вредной и часто смеялась. Просто, закатывалась. Мише нравилось, как смеется Маша.

Маша так сильно любила Мишу, так сильно, и даже ревновала его к подругам – ведь Миша был такой мужественный, такой хороший, правда! и подружки должны были завидовать Маше и хотеть Мишу охмурить. Просто из подружечной вредности.

Миша ласково называл Машу «Белочка», а Маша Мишу «Зайчик».

На этом закончим валять дурака, и расскажем историю.

Миша работал на стройке, и был он монтажником сплит систем. «Лепил» кондиционеры. Тяжелая, неудобная работа, на мой взгляд. Работа на стройке, как почти и везде, поделена на простенькие, внятные кусочки, такие, чтобы человек ритмично делал оплачиваемое хозяевами дело «не задумываясь». Как автомат. Почему скобки? А вот почему.

Это произошло давно, когда еще люди верили в неминуемое завтрашнее счастье.

Мы все были не добрее, а отходчивее – мы проще оставляли обиды и не помнили зла.

Мы без раздражения слушали других, и иногда, открывали для себя в этих других мудрость.

Я принес известное лакомство для дружка – бутылочку «беленькой», и в прекрасном настроении ждал его – он, не торопясь, солидно доделывал свои делишки, чтобы мы сели на штабеля фанеры и спокойно пообщались. Например, потрепались бы о Тарковском. Все это происходило в помещении ремонтируемого кафе (вот, почему фанерные штабеля) – дружок мой был крутым мастером-дизайнером и умел ваять стеклянные подиумы. Для чего-то в кафе такой подиум понадобился. Может, для стриптиза или показа коллекций одежды от кутюрье.

Я ждал и разглядывал мужичка, укладывающего керамическую плитку на стену. Разглядывал даже не его самого, а его движения – они были точны и лаконичны.

– Привет, – обратился я к нему, когда он чуточку отвлекся, – сложно, должно быть, класть плитку?

– Нет, – отвечал мастер (он говорил с легким акцентом, выдававшим приезжего из деревни), – главное, не думать. Начнешь думать – ошибешься.

Это с виду удивительное правило применимо к любой деятельности.

Миша или, уж давайте правильно – Зайчик, долбил перфоратором отверстия в крепком бетоне. Целый рабочий день.

Напарник его, Федя, подменял его на перфораторе, когда у Зайчика начинали уж больно выразительно трястись руки, кисти рук, особенно, но не часто.

Федя был послабее и в руках и в голове – он все-таки думал о чем-то. Возможно, об автокредите, который третий год выплачивался напополам с мамой, работающей уборщицей в офисе, или о вонючках, не желающих работать хотя бы монтажниками кондиционеров и только и умеющих вякать против. Против «всех». Не знаю точно о чем, но думал, а это, оказывается, мешает качеству.

Да, погоня за идеальным качеством изделия – вот суть последних столетий капитализма. Это в принципе его суть.

Качество или идеал достигается за счет минимизации человеческих ошибок. Их не много, когда работают (и думают) машины.

Отсюда и дешевизна товаров. Но не она цель.

Роботизация и наука в каждом шаге – служат только для достижения новой ступени комфорта.

Зайчик был почти идеальным работником – он ритмично сверлил и сверлил отверстия, не встречая дерзко со своим узкочеловеческим «я», а позволяя перфоратору спокойно, не напрягаясь проходить толщу стен, оставляя ровные ходы для трубок и проводов.

Как же, спросите вы, может человек не думать?

Тут дело вот в чем. Зайчик не совсем не думал, когда тархтел перфоратором. Он думал, но думал легко и не мешающе. Вгрызаясь в бетон, думал он о жене своей, Белочке, и думал, как муж, страстно. До тихого рычания.

«Вечером поужинаем, и я уж тобою овладею», – примерно так он думал, живо представляя свою красивую Белочку в постели, в его, Зайки, клетчатой рубашке – такой возбуждающей! А перфоратор только подначивал.

В паузах, меняя группу мышц, и готовясь долбить не отверстия, а штробы, Зайчик звонил Белочке и сообщал ей о своих мечтаниях. О рубашке и прочем.

Хотел убедиться, что любим и желанен.

Та слушала и смеялась.

Она работала на выкладке товара в супермаркете и таскала громоздкие тележки на резиновых колесиках по бесконечному залу меж витрин. Выложить товар на витрину – тут требовалась женская тщательность. Свежее молоко или сосиски следовало положить поглубже, а «истекающие» поближе. Ценники нужно было расставить по возможности хаотично, но как бы не нарочно. Много разных тонкостей. Причем и тут задумывающийся ум мешал – будил что-то лишнее для нашей торговли. Что-то забытое уже.

Белочка никогда не задумывалась.

Видя пакеты с соком, голова ее фиксировала – «сок», а глядя на подложки с куриными желудочками, голова отмечала – «потрошки».

И так до конца смены.

О своем Зайке Белочка изо всех сил старалась не думать – очень слабела тогда.

Признаю, и Зайчик и Белочка – идеальная пара граждан для рыночного общества.

Рыночное общество хочет, чтобы люди покупали с каждым месяцем все больше холодильников.

Зайчик и Белочка уже и копили на новый.

Рыночное общество беспокоится – кто будет покупать все больше и больше холодильников через двадцать лет?

Зайчик и Белочка намеревались «настрогать» столько детей, сколько здоровье позволит. Будущих клиентов рыночного общества.

Рыночное общество не одобряет, когда кто-либо не пользуется холодильником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.